

Сулима Екатерина Сергеевна

аспирант, старший преподаватель кафедры
теории и практики китайского языка
Белорусский государственный
университет иностранных языков
г. Минск, Беларусь

Katsiaryna Sulima

PhD Student, Senior Lecturer
of the Department of Theory and Practice
of Chinese Language
Belarusian State University
of Foreign Languages
Minsk, Belarus
sulima.katerina@yandex.by

СИМВОЛИКА НАИМЕНОВАНИЙ ПТИЦ В РАЗДЕЛАХ «ОДЫ» И «ГИМНЫ» ДРЕВНЕКИТАЙСКОЙ «КНИГИ ПЕСЕН» («ШИЦЗИН»)

THE SYMBOLISM OF BIRD NAMES IN THE *ODES* AND *HYMNS* SECTIONS OF THE ANCIENT CHINESE *BOOK OF SONGS* (*SHIJING*)

В статье рассматриваются иероглифические знаки китайской письменности (логограммы) с семантикой наименований птиц, их символика и образность в произведениях разделов «Малые Оды», «Великие оды» и «Гимны» древнекитайской «Книги песен» («Шицзин»).

Ключевые слова: «Малые оды»; «Великие оды»; «Гимны»; «Книга песен»; «Шицзин»; семантика; символика; наименования птиц.

The article examines logographic characters with the semantics of bird names, their symbolism, and imagery in the works of the *Minor Odes*, *Major Odes* and *Hymns* sections from the ancient Chinese *Book of Songs* (*Shijing*).

К e y w o r d s : “*Minor Odes*”; “*Major Odes*”; “*Hymns*”; “*Book of Songs*”; “*Shijing*”; *semantics*; *symbolism*; *bird names*.

Поэтический мир «Шицзин» невероятно богат, однако в силу древности памятника, а также догматической ограниченности комментаторской традиции, не исследован в полной мере. Современные ученые уделяют большое внимание анализу текстов «Книги песен» с точки зрения филологии, культурологии, истории, философии, также существуют сравнительные исследования, посвященные связям между «Шицзин» и другими памятниками конфуцианского канона (например, с «Книгой перемен» («Ицзин»)).

В исследовании оригинальных текстов «Шицзин» существует множество трудностей, обладающих многоуровневым характером. Одной из них является невозможность рассматривать столь древние песни изолированно, без опоры на комментарии к ним китайских ученых. Обилие толкований, в свою очередь, порождает следующий уровень сложности: они могут носить субъективный характер. Более того, в интерпретации нуждается не только

формальная сторона текста (включая пояснения к древним иероглифическим знакам, рассмотрение аспекта выражения¹ языкового знака с точки зрения диахронии), но и символическая.

Цель работы – рассмотреть символику и образность, которую привносят в поэтическое произведение иероглифические знаки с семантикой наименований птиц на материале разделов «Малые оды», «Великие оды» и «Гимны». Настоящая работа является продолжением наших исследований, которые изложены в статьях «Логограммы с семантикой наименований птиц в древнекитайской «Книге песен» («Шицзин»)» [1] и «Символика наименований птиц в разделе «Нравы царств» древнекитайской «Книги песен» («Шицзин»)» [2]².

Материалом послужили оригиналы текстов «Книги песен», а также комментарии к ним древнего философа Чжу Си (XII в.) [3] и современных исследователей Ван Сюмэй [4], Ло Юймина (1951 г. р.) [5] и Ли Шаня (1963 г. р.) [6]. Перевод комментариев выполнен автором статьи, цитаты из оригиналов приведены в постраничных сносках.

В данной работе приведены тексты песен и их перевод на современный китайский язык по изданию «Шицзин» (2015 г.) [4]. Для облегчения восприятия материал статьи сопровождается переводами на русский язык А. А. Штукина (1987 г.) [7].

Раздел «Малые оды» включает 74 произведения, «Великие оды» – 31, «Гимны» – 40 текстов соответственно. В разделе «Малые оды» наименования птиц фигурируют в 22-х песнях, в разделе «Великие оды» – в 7-ми, в разделе «Гимны» – в 5-ти, таким образом в 34 песнях из 145 встречаются: гипероним 鸟 [niǎo] ‘птица’, а также 25 наименований реально существующих птиц, а именно: 黄鸟 [huáng niǎo] ‘чиж’, 仓庚 (鸽鵝) [cāng gēng] ‘иволга’, 雁 [yàn] ‘гусь’, 鸿 [hóng] ‘дикий гусь’, 鹊 [tuán] ‘орел’, 雉(雛) [zhí] ‘горлица, кукушка’, 鸣鳩 [míngjiū] ‘горлица, пятнистый голубь’, 脊令 (鶡鶒) [jílìng] ‘трясогузка’, 桑扈 [sānghù] ‘дубонос’, 鹭 [lù] ‘цапля’, 隼 [sǔn] ‘сокол’, 鶲 [jiāo] ‘королевский фазан’, 乌 [wū] ‘ворона’, 鸱 [yù] ‘ворона, галка’, 鹰 [yīng] ‘ястреб, орел’, 鸯 [yuān] ‘коршун, ястреб’, 翠 [huī] ‘фазан, золотистый фазан’, 鹤 [hè] ‘журавль’, 鸳鸯 [yuānyāng] ‘утки-мандаринки’, 鹩 [qīū]

¹ В комбинаторной семантике принято следующее определение понятия «языковой знак»: это двухаспектная единица, имеющая в аспекте выражения комбинацию фигур, а в аспекте содержания – стереотип. Под термином «фигура» в свою очередь понимается «абстрактный акустический образ звуков (фонема), а также абстрактный оптический образ черт (графема) или жестов (кинема), обладающих сходными акустическими или оптическими признаками» [8 с. 33; 9, с. 27], под термином «стереотип (понятие)» – «закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира» [9, с. 25].

² Обращаем внимание на некоторые расхождения, возникшие в результате увеличения исходных данных для исследования и углубления понимания источника (например, в указанной выше статье 黄鸟 [huáng niǎo] переводится как ‘иволга, канарейка’, однако в настоящей работе – как ‘чиж’).

‘марабу’, 桃虫 [táo chóng] ‘крапивник’, 鸊 [fú] ‘дикая утка’, 鸳 [yān] ‘чайка’, 鸱 [xiāo] ‘сова’, 燕 [yàn] ‘ласточка’. В двух песнях выявлены наименования мифических птиц 凤皇 [fènghuáng] ‘феникс’ и 玄鸟 [xuánniǎo] ‘сюаньняо, черная птица, ласточка’, а также иероглиф 鸳 [luán] с первоначальным значением ‘мифическая птица луань’, по виду напоминающая феникса. Во всех десяти текстах логограмма 鸳 [luán] ‘луань’ используется в символическом значении ‘колокольчик’¹.

Перейдем к непосредственному описанию символического значения наименований птиц, зафиксированных в разделах «Малые оды», «Великие оды» и «Гимны».

Гипероним 鸟 ‘птица’ присутствует в четырех текстах раздела «Малые оды», двух текстах раздела «Великие оды» и в одной песне подраздела «Гимны дома Чжоу», однако ни разу не упоминался в песнях, входящих в раздел «Нравы царств».

В тексте песни 《小雅·伐木》 («О дружбе» (II, I, 5)) повествуется об изобильном и щедром пиршестве, устраиваемом для родных и друзей [4, с. 335; 5, с. 314]. Ли Шань отмечает, что в песне описывается пиршество, характерное для застольной культуры правящей знати эпохи Западная Чжоу [6, с. 404]. Каждая строфа начинается иероглифами 伐木 [fá mù] ‘рубим деревья’, в первой строфе проводится синтаксическая параллель, задающая ритм: “伐木丁丁， / 鸟鸣嘤嘤” [fá mù zhēng zhēng², niǎo míng yīng yīng], которую буквально можно перевести на русский язык как ‘рубим деревья дзынь-дзынь, / птицы поют инь-инь’, а также семантическая параллель между согласным пением (перекличкой) птиц и стремлением людей к дружбе, что подтверждается комментарием Чжу Си: «[С помощью образов] птиц, стремящихся друг к другу, [метафорически] говорится о том, что и люди без дружбы не могут обойтись»³ [3].

Приводим часть первой строфы текста 《小雅·伐木》 («О дружбе» (II, I, 5)):

伐木丁丁，	伐木之声叮叮，	Согласно стучит по деревьям топор,
鸟鸣嘤嘤。	群鸟鸣叫声嘤嘤。	И птичий исполнен согласия хор.
出自幽谷，	鸟儿来自深山谷，	Вся стая, из темной долины взлетев,
迁于乔木。	飞来落在高树丛。	Расселась в вершинах высоких дерев.
嘤其鸣矣，	鸟儿嘤嘤鸣不停，	Звучат голосистые песни средь гор –
求其友声。	为了寻求友与朋。	Подруга с подругой ведет разговор.

¹ Подробная информация о семантике логограмм 燕 [yàn] ‘ласточка’ и 鸳 [luán] ‘луань’ опубликована в статье «Логограммы с семантикой наименований птиц в древнекитайской «Книге песен» («Шицзин»)» [1, с. 21–26].

² У иероглифа “丁” может быть 2 чтения: [dīng] и [zhēng]. В доступных нам изданиях, комментаторы Чжу Си, Ли Шань, Ло Юймин и Дэн Цитун настаивают на чтении [zhēng] [3; 6, с. 403; 5, с. 314; 10, с. 163].

³ “遂以鸟之求友，喻人之不可无友也” [3].

Интересен более философский комментарий профессора Ли Шаня к этой строфе: «Зачин к песне, выраженный звуками рубки деревьев в темном горном лесу и звуками пения птиц, является призывом следовать проявлению [наставлению] природы; гармония птичьих голосов в ущелье должна быть образцом гармонии жизни людей»¹ [6, с. 403]. Иными словами, взаимоотношения между людьми должны быть так же гармоничны, как созвучие голосов птиц.

В песне 《小雅·菀柳》 («Там ива» (II, VII, 10)) с птицей, взлетающей до небес, сравнивается непредсказуемый нрав одного из чжоуских правителей² (исходя из комментария Ли Шаня, этим правителем был 携王 [Xié wáng] Севан) [6, с. 601]. В качестве примера приводим последнюю из трех строф:

有鸟高飞，
亦傅于天。
彼人之心，
于何其臻。
曷予靖之，
居以凶矜！

鸟儿即便飞得高，
最高不过到天上。
那人用心太险恶，
何等程度难估量。
平定祸患我有功，
竟罚我处凶险场！

Бывает, что **птицы** высоко летят,
Но выше небес им лететь не дано.
А сердце людское желаний полно –
Где ставит пределы желаньям оно?
Могущество ль буду его укреплять,
Чтоб вызвать несчастье и горе одно?

В тексте песни подраздела «Гимны дома Чжоу» 《周颂·小毖》 («Поучение царя» (IV, III, 4)) через метафору превращения маленькой птички 桃虫 [táo chóng] (согласно комментариям под ней подразумевается 鸩鶡 [jiāoliáo] ‘крапивник’) в 鸟 [niǎo] – большую птицу, говорится о том, что небольшая ошибка может обернуться огромной проблемой, а мелкий человек – злодеем. Ли Шань также пишет, что есть и другая трактовка: автор песни, сравнивая себя с маленькой птичкой, мечтал быстро “взлететь”, однако попал в тяжелую ситуацию [6, с. 815]. Чжу Си пишет: «Птенец крапивника может превратиться орла, поэтому в древности была поговорка “из крапивника рождается орел”, что означало: малое в начале, в конце становится большим»³ [3].

Большая птица подразумевается также в тексте раздела «Великие оды» 《大雅·生民》 («Ода государю Зерно (Хоу Цзи)» (III, II, 1)). Как пишет Ван Сюмэй, эта песня – «эпическая поэма чжоусцев, в которой повествуется о жизни [их легендарного предка, научившего народ земледелию] Хоу Цзи. Это древнейшее, наиболее полное и яркое произведение, описывающее деятельность Хоу Цзи от рождения и до великих свершений»⁴ [4, с. 623].

¹ “以幽谷山林伐木、鸟鸣之声起兴，号召世人遵从大自然的启示；幽谷鸟鸣的和谐，为人的生活所当求” [6, с. 403].

² “以鸟飞至天，兴周王变化莫测” [4, с. 550].

³ “鴙鶡之雏，化而为雕，故古语曰“鴙鶡生雕”，言始小而终大也” [3].

⁴ “这是周人记述其始祖后稷从出生到创业的长篇史诗，它是最早、最完整、最生动记录后稷这位农神的诗篇” [4, с. 623].

诞寘之寒冰，
鸟覆翼之。
鸟乃去矣，
后稷呱矣。
实覃实訏，
厥声载路。

Брошен младенец на смерзшийся лед в водоем —
Птица его, согревая, укрыла крылом!
Птица едва оставляет ребенка на миг —
Князя Зерно раздается пронзительный крик.
Так был силен и протяжен им изданный звук,
Что все дороги собою наполнил вокруг!

В четвертой строфе текста 《小雅·六月》 («О походе воеводы Инь Цифу на гуннов» (II, III, 3)) 鸟章 [niǎozhāng] буквально ‘птичий флаг’ (знамя с изображением птицы) некоторые исследователи трактуют как “флаг с изображением сокола”¹, что отражено и в переводе А. А. Штукина:

织文鸟章，
白旆央央。
元戎十乘，
以先启行。

Но **сокол** на знамени тканом сияет узором,
И белые вымпелы блещут, горят перед взором!
И десять больших боевых колесниц устремились —
Дорогу вперед нам открыли могучим напором.

Примечательно, что в «Книге песен» знамя с изображением сокола, орла также кодирует иероглиф 旗 [yú], а под знаком 旌 [jīng] понимается ‘флаг, украшенный птичьими перьями пяти цветов’². Интересен комментарий профессора Ли Шаня³, относительно лексемы 干旗: «ганьюй — название знамени, на вершине древка которого располагалось украшение в виде иероглифа 山 ‘гора’, декорированное элементами в виде птичьих голов. Такой артефакт был обнаружен во время раскопок захоронения времен династии Западная Чжоу в Лояне (районе Бэйяо): бронзовое изделие в форме трехвершинной горы, в которой центральный пик возвышается словно меч, а боковые выполнены в виде пары летящих в разные стороны птиц, с поднятыми головами» [6, с. 135].

В тексте 《灵台》 («Чудесная башня» (III, I, 8)) упоминаются 白鸟 ‘белые птицы’ как символ роскоши:

王在灵囿，
麀鹿攸伏。
麀鹿濯濯，
白鸟翯翯。
王在灵沼，
於物鱼跃。

Вот царь Просвещенный идет в свой чудеснейший сад —
Олени и лами повсюду спокойно лежат,
И шерсть на оленях лоснится, лоснится, блестит,
И птиц белоснежных сверкает чистейший наряд!
Вот царь Просвещенный выходит на берег пруда —
В нем рыбки резвятся, чиста и прозрачна вода.

¹ 1) “鸟章：旗帜上绘有鸟隼的图案” [4, с. 375]; 2) “鸟章：旗帜上所绘鸟隼图案” [6, с. 442]; 3) “鸟章，鸟隼之章也” [3].

² “旌：以五彩鸟羽为饰的旗帜” [4, с. 106].

³ “干旗：旗杆顶部有山字形装饰物，以鸟头为装饰的，称干旗。洛阳北窑西周墓葬曾出土此物，青铜制，整体作山字形，山字中间一竖高出，如剑锋，两边的短竖则刻镂成一对反身回首的飞鸟形” [6, с. 135].

Ван Сюмэй считает, что под “белыми птицами” подразумеваются белые цапли или белые журавли [4, с. 614], Ли Шань и Ло Юймин трактуют только как “белые журавли” [6, с. 658; 5, с. 360].

Однако не только наличие живых птиц в имени правителя было признаком высокого статуса. В четвертой строфе песни 《小雅·斯干》 («Новый дворец» (II, IV, 5)) внешний вид крыши дворца сравнивается с распахнутыми крыльями птицы, а расцветка – с прекрасным оперением золотистого фазана. В третьей же строфе иероглиф 鸟 [nǐāo] используется в своем прямом этимологическом значении ‘птица’:

3. 约之阁阁，	绞紧夹板阁阁响，	Досками место для стен обнесли,
椓之橐橐。	用力夯土声嗵嗵。	Плотно меж досок набили земли.
风雨攸除，	从此不忧雨和风，	В дом не проникнут ни ветер, ни дождь,
鸟鼠攸去，	鸟兽老鼠都跑净，	Птица и мышь не проникнут! Как встарь,
君子攸芋。	君子住此才安定。	Место почтенно и свято, где царь!
4. 如跂斯翼，	新宫端正如企立，	Дом, как почтения полный, встает,
如矢斯棘。	墙壁整齐像箭疾。	Горд, как стрела, что стремится вперед;
如鸟斯革，	屋顶犹如鸟展翼，	Кровля – как будто фазана полет ,
如翚斯飞，	辉煌就像锦鸡飞，	Как оперение птицы ярка !
君子攸跻。	君王登阶心欢喜。	Наш государь во дворец свой войдет.

Наименование птицы “фазан” употребляется в песнях «Шицзин» в качестве сравнения с благородным человеком высоких моральных качеств. В таком же значении видим лексему 鶡 [jīāo] ‘королевский фазан’ в тексте 《小雅·车葦》 («Радость новобрачного» (II, VII, 4)) – песне-благопожелании достойного брака молодым, в которой выражена манера поведения в счастливом союзе [6, с. 585]. Трактуют эту песню по-разному, однако, исходя из структуры строфы и комментария Ли Шаня о том, что следует понимать под 鶡 [jīāo], а именно “вид фазана, по размеру меньше, чем длиннохвостый фазан; любит прогуливаться и петь, обладает длинным хвостом и прекрасным оперением, поэтому в песнях используется для сравнения с красотой новобрачной”¹, можно сделать вывод о том, что и в этом тексте, образ фазана сопоставляется с образом невесты. Перевод А. А. Штукина требует уточнения.

依彼平林，	平原之上有树林，	Лес на равнине так высится пышен и густ!
有集维鶡。	美丽野鸡枝上栖。	Только фазаны сбираются день ото дня.
辰彼硕女，	身材高大美少女，	В день надлежащий ты, славная дева, пришла.

Традиционным символом пары супругов в Китае считаются утки-мандринки 鸳鸯 [yuānyāng], образы которых встречаются в текстах «Шицзин» 《小雅·鸳鸯》 («Ода царю» (II, VII, 2)) и 《小雅·白华》 («Жалобы отвергнутой жены» (II, VIII, 5)).

¹ “雉的一种，体型微小于翟，善走善鸣，尾巴很长，羽翅美丽，故诗借以比新妇之华丽” [6, с. 583].

В комментарии к песне 《小雅·鸳鸯》 Ли Шань отмечает большое количество разнообразных трактовок: начиная с высмеивания конкретных правителей династии Чжоу (по версии ученых династии Хань) до воспевания свадьбы человека, занимающего высокое положение в обществе (по мнению ученых династий Мин и Цин, основанного на образе уток-мандаринок) [6, с. 580]. Ван Сюмэй поддерживает мнение Чжу Си о том, что эта песня – благопожелание, написанная чжоускому правителю местными князьями чжухоу [4, с. 524]. «В первой строфе пойманные утки-мандаринки символизируют обретение счастья и благополучия, во второй – спокойный сон этих птиц символизирует сохранение полученных благ»¹ [4, с. 524]:

1. 鸳鸯于飞,	鸳鸯双双空中飞,	Селезень с уткою вместе летит –
毕之罗之。	捕它用网又用毕。	Дайте сетей и тенет!
君子万年,	祝福君子寿万年,	Тысячи лет да живет государь,
福禄宜之。	福禄都和你相随。	В радости тысячи лет!

В тексте 《小雅·白华》 («Жалобы отвергнутой жены» (II, VIII, 5)) видим наименования трех птиц: 鸳鸯 [yuānyāng] ‘утки-мандаринки’, 鹩 [qīū] ‘марабу’ и 鹤 [hè] ‘журавль’. Содержание песни – яркое описание противоречивых чувств покинутой мужем знатной женщины, которая одновременно и тоскует по ушедшему супругу, и обвиняет его в недостойном поведении. Некоторые комментаторы приписывают это произведение жене чжоуского правителя Ювана (幽王), который связал себя браком с наложницей Бао Сы (褒姒), однако доказательств того, что песня была написана ей – нет, возможно, песня написана подданными царства для обличения правителя [4, с. 562]. Песня состоит из восьми строф, в шестой и седьмой видим названия вышеуказанных птиц:

6. 有鶯在梁,	丑恶鶯鹰在鱼梁,	Наглая цапля на нашу запруду взошла,
有鹤在林。	高洁白鹤在林中。	Скромный в дубраве журавль все страдает от бед.
维彼硕人,	想起那个健美人,	Ты и высок, но к жене уважения нет –
实劳我心。	实在煎熬我的心。	Много ты делаешь сердцу и горя, и зла!
7. 鸳鸯在梁,	一对鸳鸯在鱼梁,	Селезень с уткой сидят на запруде у нас,
戢其左翼。	嘴插翅下睡得香。	Левым крылом прижимаясь друг к другу, смотри!
之子无良,	可恨这人没良心,	Нет, о супруг мой, добра, как я вижу, у вас –
二三其德。	转眼之间把我忘。	Чувство два раза меняете вы, даже три!

Первые две строки каждой строфы – описание разных явлений природы, которые, в сравнении с чувствами, используются для более точного их выражения. Например, женщина сравнивает наложницу с 鹩 [qīū] ‘марабу’ (в переводе Штукина “наглой цаплей”), а себя – с журавлем. Как отмечает Ло Юймин, «в древних китайских текстах есть множество записей о том, что [марабу] массово истреблялись, так как считались птицами, приносящими

¹ “首章以捕得鸳鸯象征得到福禄；二章以鸳鸯安睡象征留得福禄” [4, с. 524].

несчастье»¹ [5, с. 472]. Механизм метафоризации образов именно этих птиц, вероятнее всего, основан на особенностях их внешнего вида: хоть обе птицы и похожи, но марабу обладает массивным клювом, не покрытой перьями головой, что придает ей довольно неприглядный вид; в отличие от журавля – птицы грациозной, почитающейся в китайской культуре как символ достойного человека, долголетия, мудрости. Идеальный вид пары уток-мандаринок противопоставляется трагическому сценарию личной жизни лирической героини.

Образ птицы 鹤 [hè] ‘журавль’ видим также в песне 《小雅·鹤鸣》 («Противоречия» (II, III, 10)) – тексте-родоначальнике философской лирики в Древнем Китае [6, с. 464]. Произведение начинается словами: «鹤鸣于九皋, /声闻于野» ‘Кричит журавль меж девяти болот, / Но криком тем и ширь полей полна’, Ван Сюмэй пишет, что в древности образ журавля часто использовался для сравнения с мудрецами, живущими в уединении² [4, с. 397].

Некоторые ученые считают, что вся песня построена на сравнении, однако, согласно мнению Ли Шаня, «пользуясь современной терминологией, [в основе текста лежит] символизм. Между символизмом и метафорой есть разница. Метафора – [это прием, при котором] воображаемые явления сравниваются с реально существующими вещами. <...> Однако, когда, созерцая «всё, что есть в саду», мысленно обращаешься к более глубоким вопросам человеческого бытия, завуалированно помещая в текст житейскую мудрость, – это символизм. Метафора – явление стилистическое, символизм – проявление холистичности духа»³ [6, с. 464].

В песне раздела «Малые оды» 《小宛》 («Ода о воспитании» (II, V, 2)), как и в тексте 《白华》 («Жалобы отвергнутой жены» (II, VIII, 5)), упомянутого нами выше, присутствуют наименования трех птиц: 鸣鸠 [míngjiū] ‘горлица, пятнистый голубь’, 脊令 (鶡鶡) [jílíng] ‘трясогузка’ и 桑扈 [sānghù] ‘дубонос’. Современные исследователи вслед за Чжу Си полагают, что эта песня человека (возможно, сановника), который живет в смутные времена и дает наставления братьям о том, как избежать беды. А. А. Штукин перевел 鸣鸠 как «птица-певунья» [7, с. 170] и, на первый взгляд, для этого есть основания. На русский язык 鸣 действительно может переводиться как «петь, щебетать, чирикать; певчий, звонкоголосый (о птицах)» [11, с. 512], но также и как номинативная единица «пятнистый (дикий голубь; горлица кольчатая)» [11, с. 513]. Согласно трактовке Ван Сюмэй, под горлицей 鸣鸠 в этой песне понимается младший брат, который будучи молодым и амбициозным, может, словно маленькая птичка, «высоко взлететь» и, не рассчитав риски, попасть

¹ “我国古籍多有记述, 因被视为“不祥鸟”而遭大量捕杀” [5, с. 472].

² “鹤: 一种水鸟, 古代多用来比喻隐居的贤人” [4, с. 397].

³ “用今天的术语说却是象征。象征与比喻有差别。比, 是想象之境象喻示实有之物。<...>然而, 眼看着“园中所有”而心想着更大的宇宙人生, 将人生的哲智暗自寄寓其中, 则是象征。比喻是修辞性的, 象征则是精神整体性的” [6, с. 464].

в беду; в четвертой строфе брату приводится в пример 脊令 (鶡鶡) [jílǐng] ‘трясогузка’, что целый день летает и поет, с наставлением усердно трудиться; в пятой строфе идет речь о 桑扈 [sānghù] – птице, обычно питающейся мясом, но сейчас только зернами, что является сравнением с ненормальной ситуацией и опасностью попасть в заточение [4, с. 447]. В комментарии к образу птицы 桑扈, Ван Сюмэй, по-видимому, руководствуется древними толкованиями, согласно которым под этом архаизмом подразумевалась птица с крючковатым носом, питающаяся мясом, что в контексте песни обличало бы жадных правителей. Однако интересны пояснения Ли Шаня и Ло Юймина [5, с. 441], толкующие наименование 桑扈 как 小腊嘴 [xiǎolàzuǐ] или 黑尾蜡嘴雀 [hēiwěi làzuǐquè], под которыми понимается ‘малый черноголовый дубонос’, и прилагая соответствующие иллюстрации. По мнению Ли Шаня, эту строфу следует понимать как намек на то, что «простые бедные люди могут так же просто попасться в сети закона, как дубоносы слететься на просо»¹ [6, с. 513].

Логограмма 雉 [zhī] ‘горлица’ упоминается в двух песнях раздела «Малые оды»: 《四牡》 («На службе царю» (II, I, 2)) и 《南有嘉鱼》 («Радушному хозяину» (II, II, 5)). Существует несколько версий, какая птица подразумевается под иероглифом 雉 [zhī]: 夫不 [fūbù] ‘кукушка’, [12, с. 4947; 6, с. 393]; 祝鳩 [zhùjī] ‘горлица’ [12, с. 4947]; 鸱鳩 [bógu] ‘горлица’, 火斑鳩 [huǒbānjiū] ‘короткохвостая горлица’ [4, с. 327, 359; 5, с. 308–309; 3].

Песня 《四牡》 («На службе царю» (II, I, 2)) являлась частью банкетного ритуала по приему посла. В ней повествуется о трудностях чиновника эпохи Чжоу, вынужденного постоянно находиться в пути, выполняя поручения правителя, что приводит к противоречию между общественным долгом и личными чувствами, такими как тоска по родине и родителям:

4. 翩翩者鷗，	斑鳩翩翩空中翔，	To голуби реют и реют, взгляни:
载飞载止，	飞飞停停嬉戏忙，	То сядут, то ввысь устремляются, взмыв,
集于苞杞。	落在丛生杞树上。	Вот сели на ветви раскидистых ив.
王事靡盬，	国家公事没个完，	Мы ж службой царю пренебречь не должны,
不遑将母。	没有空闲将母养。	И матери наши забот лишены.

Мнения по поводу образа птицы в этой песне разнятся. Согласно Ван Сюмэй, в тексте последовательно чередуются художественные приемы фу и син², которые предполагают описание событий действительности и выражение мыслей и чувств лирического героя посредством апелляции к образам из запева соответственно, в частности «свободный полет горлицы), их при-

¹ “其实更可能是以桑扈之喜欢啄粟，隐喻小民之容易陷于法网” [6, с. 513].

² По словам Н. Т. Федоренко, под таким художественным приемом, как “«фу» стали понимать метод прямого, непосредственного, без применения сравнений, описания явлений и предметов, событий и фактов. <...> «Син» объяснялось как заимствование постороннего предмета для того, чтобы повести читающего или слушающего к исходному моменту события, о котором будет сообщено в следующей строке, то есть запев, засин, риторическая фигура, общее поэтическое вступление” [7, с. 16].

земление на кусты и деревья отдохнуть ассоциативно противопоставляется собственным тяготам службы и отсутствием пристанища»¹ [4, с. 326].

Профессор Ли Шань предлагает иную трактовку: «Третья строфа песни. Выражение тоски по родителям. Одинокого посла царства Чжоу в пути сопровождает птица чжуй, очень *атмосферно*. <...> Древние считали ее птицей сыновней почтительности. В детстве мне доводилось видеть, как крестьяне приручали птицу под названием “хубала”: серо-черную, со свирепым характером, коротким изогнутым клювом, предпочитающей в еде мясо. После приручения, летающая рядом с хозяином то вверх, то вниз, она считалась птицей “понимающей человеческий характер”, возможно, родственна сорокопуту. Следовательно, “парящая птица чжуй” – фактическое описание прирученной послом и сопровождающей его в пути птицы»² [6, с. 393]. Нам этот комментарий показался интересным с точки зрения ассоциации птицы с одной из центральных конфуцианских добродетелей – сыновней почтительностью, а также с уточнением, что она виделась как “понимающая человеческий характер”, однако описание птицы Ли Шанем резко контрастирует с остальными комментариями.

Наименование птицы 雉 [zhui] ‘горлица’ присутствует и в 4 строфе текста 《小雅·南有嘉鱼》 («Радушному хозяину» (II, II, 5)):

4. 翩翩者雉，	鶗鴂翩翩空中翔，	Реют голуби всюду, всюду
烝然来思。	四面八方集树上。	И слетаются целой стаей...
君子有酒，	君王宴会有美酒，	Есть вино у радушного мужа,
嘉宾式燕又思。	贵宾欢饮劝满觞。	Гости пир повторить мечтают.

Как и многие другие песни раздела «Малые оды», она является церемониальной, звучащей во время угощения гостей рыбой и вином. По словам Ли Шаня, эту песню исполняли второй в перерывах между танцами, музыканты в ней восхваляли и благородных мужей, устраивавших пиршество, и дорогих гостей [6, с. 425]. В контексте этого произведения слетающиеся горлицы символизируют людей, прибывающих на банкет.

Будучи одним из средств гармонизации жизни в обществе, песни, сопровождавшие пиршество, занимают особое место в «Шицзин». Исполнение их было строго регламентировано, сопровождалось ритуальным действом, зачастую танцем.

В связи с этим рассмотрим наименование птицы 鶩 [lù] ‘цапля’. Иероглиф 鶩 [lù] фигурировал в песне раздела «Нравы царств» 《宛丘》 («Ты стал безрассуден» (I, XII, 1)) в качестве модификатора³ в сочетаниях

¹ “以鸟的自由飞翔，降落灌木丛中歇脚，联想到自己服役的劳苦和宿无定所” [4, с. 326].

² “诗之三章。表思父之情。周道上的孤独使臣有雕鸟相伴，颇富情态。<...>古人认为是孝鸟。笔者幼时尝见乡人驯养一种鸟，呼之为《虎巴刺》，灰黑色，性凶猛，嘴短而弯，喜肉食，养熟后能在主人身边飞上飞下，被视为《通人性》的鸟，或与伯劳鸟同类。如此，《翩翩者雉》，实际是写使臣豢养并带在身边的鸟。” [6, с. 393].

³ В терминологической системе комбинаторной семантики под модификатором понимается определяющий компонент в номинативной единице [8, с. 35; 13, с. 12].

鹭羽 [lùyǔ] ‘перья цапли’ и 鹭翫 [lùdào] ‘танцевальный атрибут из перьев цапли’. Этот же иероглиф в качестве самостоятельной единицы (тайгена¹) встречается в текстах подразделов «Гимны дома Чжоу» 《周颂·振鹭》 («Приветствие гостям» (IV, II, 3)) и «Гимны князей Лу» 《鲁颂·有馳》 «На пиру у князя» (IV, IV, 2).

Изучив песню «На пиру у князя» (IV, IV, 2) можно сделать вывод: с одной стороны, под иероглифом 鹭 [lù] ‘цапля’ может подразумеваться 鹭羽 [lùyǔ] ‘перья цапли’ (семантическая конденсация), с другой стороны, – непосредственно художественный образ цапель («振振鹭, / 鹭于下» ‘Цапель слетается белая стая; / Белые цапли на землю слетают’ (пер. А. Штукина)), под которым следует понимать танцоров, держащих перья этих птиц в качестве танцевального атрибута.

振振鹭，
鹭于下。
鼓咽咽，
醉言舞。
于胥乐兮！

手持鹭羽同起舞，
有如白鹭向下翔。
鼓声咚咚响不停，
酒醉舞姿踉跄跄。
人人快乐喜洋洋！

Цапель слетается белая стая;
Белые цапли на землю слетают;
А барабаны звучат и звучат.
Гости пьяны: они пляшут, играя.
Вместе они веселятся.

С этим же связаны трудности трактовки текста «Приветствие гостям» (IV, II, 3): одни исследователи склонны считать, что под “слетающимися цаплями” стоит образ гостей, прибывающих на церемонию жертвоприношения предкам; другие же полагают, что и в этой песне цапли – исполнители церемониального танца:

振鹭于飞，
于彼西雍。
我客戾止，
亦有斯容。

白鹭振翅空中翔，
落在西边大泽上。
我有客人前来访，
也穿高洁白衣裳。

Мы любовались над западным озером, как
Стаей над водами белые цапли летят.
Гости явились к нам ныне, и думаем мы:
Точно у цапель, прекрасен их вид и наряд.

Следующий текст, в котором упоминаются два наименования птиц: 鬼 [fú] ‘дикая утка’ и 鹭 [yù] ‘чайка’, – 《大雅·鬼鹭》 («Ода о наместнике мертвых» (III, II, 4)). Это ритуальное произведение исполнялось во второй день основного жертвоприношения династии Чжоу, где живому человеку (公尸 [gōngshī] ‘гунши’), воплощающему собой дух почившего предка или божество, приносились дары.

1. 鬼鹭在泾，
公尸来燕来宁。
尔酒既清，
尔殽既馨。
公尸燕饮，
福禄来成。

野鸭白鸥水中游，
公尸泰然来饮酒。
你的美酒清又醇，
你的菜肴香喷喷。
公尸快乐地饮酒，
成就福禄和好运。

1. Утка и чайка на Цзине-реке – над водой.
Мертвых наместник пришел насладиться едой.
С чистым вином твоим, вижу, сосуды стоят,
Яства твои издалека струят аромат.
Мертвых наместник пирует и пьет у тебя,
Счастье его совершенно, он весел и рад.

¹ В комбинаторной семантике под тайгеном (субстантивом) понимается часть языка, обозначающая индивида [9, с. 26].

Необходимо обратить внимание на совместное употребление наименований двух таких, на первый взгляд, разных птиц – чайки и утки. В «Шицзин» это явление уникальное и, если опираться на контекст песни, можно дешифровать их символическое значение: утка является символом живых людей, участвующих в жертвоприношении, а чайка – символом духов, божеств. Следовательно, с помощью этих образов создается дополнительное символическое пространство, подчеркивающее гармонию между миром духов и людей.

Однако порой бывает непросто определить, кодируют ли два располагающихся рядом иероглифа наименования разных птиц или являются биномом для обозначения одной. С такой ситуацией мы сталкиваемся при разборе образов птиц в песне 《小雅·鸿雁》 «То гуси летят» (II, III, 7):

鸿雁于飞，
肃肃其羽。
之子于征，
劬劳于野。
爰及矜人，
哀此鳏寡。

大雁飞翔向远方，
展起双翅沙沙响。
使臣受命出远门，
四野奔波苦又忙。
救济那些穷苦人，
鳏寡更使人哀伤。

То гуси летят, то летят журавли
И свищут, и свищут крылами вдали...
То люди далеким походом идут,
И тяжек, и труден в пустыне поход.
Достойные жалости люди идут,
О, горе вам, сирый и вдовий народ!

Исходя из комментариев Ван Сюмэй и Ли Шань, 鸿雁 [hóngyàn] означает 大雁 [dàyàn] – ‘дикий гусь’ (буквально ‘большой гусь’), Чжу Си пишет: «大曰鸿，小曰雁» (‘больших [гусей] называют хун, малых – янь’) [3]. Согласно пояснению Ли Шаня, гуси являются символом трудностей, тягот¹, а сочетание 哀鸿 [āihóng] ‘жалобно кричащие гуси’, источником которого является эта песня, – метафорой беженцев, скитальцев.

Тема скитания в чужих краях раскрывается не только в вышеупомянутом тексте. В следующей песне фигурирует наименование птицы 黄鸟 [huáng niǎo] ‘чиж’.

Мнения о том, какая птица подразумевается под наименованием 黄鸟 [huáng niǎo] ‘желтая птица’, не однозначны: согласно Чжу Си, это 黄鹂 ‘иволга’, однако современные исследователи категорично утверждают, что под 黄鸟 понимается 黄雀 ‘чиж’² [5, с. 232; 4, с. 5, 402, 567; 6, с. 11]. В настоящее время некоторые китайские источники предлагают оба варианта трактовки.

¹ “«鸿»有艰难之象” [6, с. 457].

² Ли Шань дает следующий комментарий: «黄鸟：即黄雀，<...>民间至今仍有以黄雀占卜的习俗。或以为即黄鹂，不确» [6, с. 11] ‘желтая птица – чиж, <...> в народе до сих пор существует обычай использования чижей для гадания. Полагают также, что это может быть иволга, однако [данное утверждение] не верно’.

Название птицы 黄鸟 ‘чиж’ упоминается в двух песнях раздела «Малые оды»: 《黄鸟》 («На чужбине» (II, IV, 3)) и 《绵蛮》 («Песня о воине, изнемогшем в походе» (II, VIII, 6)).

《黄鸟》 («На чужбине» (II, IV, 3)) – песня о человеке, сетующем на свою жизнь в чужих краях, поющем о том, как хочет вернуться к родным. Образ чижка выступает в роли зачина к каждой строфе. Приведем в качестве примера первую строфи и начало второй и третьей:

1. 黄鸟黄鸟，
无集于穀，
无啄我粟。
此邦之人，
不我肯穀。
言旋言归，
复我邦族。
1. 黄鸟啊黄鸟，
不要落在楮树上，
不要啄我粟米粮。
这个地方的人们，
对我实在不善良。
还是回去快回去，
返回我家返故乡。

1. **Иволга, иволга**, ты не садись
Там, где тутовника чаща видна;
Птичка, не клюй моего ты зерна.
Люди на этой чужой стороне
В дружбу не верят – угрюмость одна.
Ах, я уйду, я домой возвращусь –
Близкие там и родная страна!

Ли Шань уделяет особое внимание анализу образа птицы и утверждает, что согласно Чжу Си, в этой песне лирический герой чувствует себя чужаком и сравнивает себя с чижом, который садится на деревья других людей, поедает их злаки, чем вызывает всеобщее недовольство¹.

Однако, на наш взгляд, такая трактовка противоречит форме, в которой написан текст. Буквально перевести первую строфи на русский язык можно следующим образом: «Чиж, чиж, / не садись на шелковицу / не клюй мое просо. / Этого царства люди / не добры ко мне. / Вернусь, вернусь, / возвращусь на свою родину». В тексте очевидно обращение к птице: не садись на деревья, не поедай мое просо, не усилий мои страдания, я и так тут «заклеван» местными, хочу вернуться домой. По такой же формуле строится песня подраздела «Нравы царства Вэй» 《硕鼠》 («Большая мышь» (I, IX, 7)), однако комментарии о том, что лирический герой сравнивает себя с мышью, очевидно, отсутствуют.

Сравнение композиции песни 《黄鸟》 («На чужбине» (II, IV, 3)) из раздела «Малые оды» с 《黄鸟》 («Там иволги» (I, XI, 6)) из раздела «Нравы царств» дает интересный результат и на ряду с остальными текстами, в которых встречается наименование этой птицы, дополняет сложную картину символического пространства, создаваемого с помощью образа чижка в текстах «Книги песен».

Наименование птицы 黄鸟 [huáng niǎo] ‘чиж’ видим также в тексте 《绵蛮》 («Песня о воине, изнемогшем в походе» (II, VIII, 6)). И снова образ этой птицы сопровождает тему страдания человека, находящегося в долгом пути, вдали от дома:

¹ «第一章前三句, 朱熹的解释是“托言”, 也就是自比黄鸟: 黄鸟落在人家的树木上, 还要吃人家的粟、粱, 所以要招人厌恶» [6, с. 472].

绵蛮黄鸟，
止于丘阿。
道之云远，
我劳如何。

那只美丽小黄鸟，
落在弯曲的山阿。
道路实在太遥远，
我的劳累难诉说。

Желтая **иволга** песню поет,
Села она у излучины скал:
«Путь нам далекий, далекий лежит, –
Как поступить мне – я слаб и устал?»

Обратив внимание на перевод, можно отметить, что А. А. Штукин во всех песнях использует лексему «иволга». Однако в оригинале название птицы «иволга» представлено другими иероглифами – 仓庚 (鸽鶡) [cāng gēng] и в большинстве случаев используется для создания атмосферы радости. Пример видим в песне 《小雅·出车》 («Ода о походе воеводы Нань Чжуна против гуннов» (II, I, 8)):

春日迟迟，
卉木萋萋。
仓庚喈喈，
采蘩祁祁。
执讯获丑，
薄言还归。
赫赫南仲，
玁狁于夷。

春天到来白日长，
草木茂盛色苍苍。
黄莺喳喳枝头唱，
采蘩姑娘采摘忙。
审问俘虏记战绩，
胜利归来回家乡。
威名赫赫我南仲，
平定玁狁国运昌。

И дни удлиняются в пору весны,
И травы пышны, и деревья пышны,
И **иволги** звонкие песни слышны,
Кувшинки сбирают... Из дальней страны
Мы толпами пленных с собою ведем;
Солдат возвращается в брошенный дом.
Был грозен Нань Чжун, и ужасен был он,
И гунны на севере усмирены.

Внешний вид птицы непосредственным образом влияет на ее функционирование в символическом пространстве. Так, 鹰 [tuán] ‘орел’ и 鸞 [yuān] ‘коршун, ястреб’ в песнях 《小雅·四月》 («Ода о смуте в стране» (II, V, 10)) и 《大雅·旱麓》 («Подножие Ханьской горы» (III, I, 5)) символизируют свободу (которой обладают эти птицы, но не лирический герой) и “высокий полет”, дальновидность, мудрость правителя соответственно.

Названия птиц 鹰 [yīng] ‘ястреб, орел’ и 隼 [sǔn] ‘сокол’ фигурируют в песнях 《大雅·大明》 «Ода о царях Вэнь-ване и У-ване и о покорении царства Инь-Шан» (III, I, 2), 《小雅·采芑》 («О походе воеводы Фан Шу на южных варваров» (II, III, 4)) и ассоциируются с образами правителей и полководцев, символизируя решительность, мощь, быстроту. В песне же 《小雅·沔水》 («Думы о смуте в стране» (II, III, 9)), внимание акцентируется на “хищном”, свирепом нраве птицы 隼 [sǔn] ‘сокол’, лейтмотив песни – предупреждение о надвигающейся опасности, смуте.

Ситуация социальной напряженности отражена также в песне 《小雅·正月》 («Пал летом белый иней» (II, IV, 8)) – потрясающей эпической поэме, проливающей свет на атмосферу, которая царила во времена чжоуского правителя Ювана. В ней упоминается название птицы 乌 [wū] ‘ворона’, которая символизирует смуту, несчастье, неопределенность. Фразу «谁知乌之雌雄? » ‘кто знает, это самка ворона или самец?’ следует трактовать как неуверенность в происходящем, невозможность отличить правду от лжи, достоверную информацию от вымысла.

Однако следует избегать предубеждения. В песне 《小雅·小弁》 («Вороны по воздуху крыльями бьют» (II, V, 3)) под иероглифом 鸟 [yù] понимается ‘ворона’ (в некоторых комментариях трактуется как 卑居 [bēijū] – птица, по размеру меньше, чем ворона, на брюшке есть перья белого цвета), но в контексте этой песни галки радостно сбиваются в стаю и улетают в гнезда, что противопоставляется чувству одиночества лирического героя.

В песне 《鲁颂·泮水》 («Посещение школы» (IV, IV, 3)) образ птицы 鸱 [xīāo] ‘сова’, традиционно ассоциирующейся с несчастьем, бедой, претерпевает метаморфозы. Ван Сюмэй утверждает, что в этом тексте под совами метафорически подразумеваются 淮夷 [huái yí] «хуай и» – представители племен, населявшие в периоды Шан и Чжоу территорию бассейна реки Хуайхэ. В тексте, воспевая могущество лусского правителя Си (僖), говорится: [как] совы, поев плодов наших шелковиц, способны выражать благодарность в форме приятного слуху пения, [так и] представители племён хуай и прибыли, чтобы преподнести свои дары.

Пиктограмме 燕 [yàn], этимологически восходящей к изображению ласточки, посвящена часть нашей статьи [2]. В песне раздела «Великие оды» 《大雅·文王有声》 («Ода царю Просвещенному (Вэнъвану) и царю Воинственному Увану» (III, I, 10)) эта логограмма упоминается в строке «以燕翼子» (‘словно ласточка [прикрывает] крыльями [своих] детей’), которая означает заботу основателя династии Чжоу Увана о своих потомках [4, с. 622; 5, с. 509]. Есть также версия, что в данном контексте под иероглифом «燕» [yàn] ‘ласточка’ должен подразумеваться «安» [àn] ‘спокойствие’ [3; 6, с. 666]:

丰水有芑， 丰水岸边芑草旺，
武王岂不仕？ 武王岂能在闲逛？
诒厥孙谋， 留下安民好谋略，
以燕翼子。 保护子孙把国享。
武王烝哉！ 啊！伟大英明周武王！

Травы питает река наша Фын.
Разве У-ван не трудился один?
Планы исполнил для внуков своих,
Будет доволен почтительный сын!
Царь наш Воинственный – истинно царь!

Как “ласточка” переводят и название следующей сакрализованной птицы 玄鸟 [xuánniǎo] ‘сюаньняо, черная птица, ласточка’. По легенде, мать первопредка династии Шан-Инь весной во время купания в водоеме увидела птицу сюаньняо. Птица уронила пятицветное яйцо, которое Цзяньди проглотила и зачала предка-основателя династии Шан. Частично эта история отражена в храмовой песне, исполнявшейся во время жертвоприношения У Дину 《商颂·玄鸟》 («Гимн царям Чэн Тану и Удину» (IV, V, 3)):

天命玄鸟， 天命玄鸟降人间，
降而生商， 简狄生契商祖先，
宅殷土茫茫。 殷商土地广无边。
古帝命武汤， 古帝授命成汤王，
正域彼四方。 征服天下有四方。

Ласточка, волей небес опустившись с высот,
Шанских царей порождает прославленный род.
В Иньской земле поселясь, возвеличился Шан:
В древности волей владыки воинственный Тан
Правил и ставил границы в пределах всех стран.

В тексте 《大雅·卷阿》 («Ода царю» (III, II, 8)) упоминается название мифической птицы 凤皇 [fènghuáng] ‘феникс’. По словам профессора Ли Шаня, «Ода царю» была создана придворными чиновниками и повествовала о поездке чжоуского вана на гору Цишань. Время создания является спорным, однако Ли Шань утверждает, что произведение создано во времена династии Западная Чжоу, когда гора Цишань была священным местом, где, как сказано в надписях цзягувэнь, найденных при раскопках в деревне Хэцзя, “видели фениксов”, “покланялись фениксам”; в надписях также есть выражение “пара фениксов” [6, с. 696]. Фениксы являлись символом благополучия и процветания, поэтому поэт, воспевающий пребывание правителя династии Чжоу на горе Цишань, «сочетал реальность и вымысел для создания картины абсолютного благополучия» [6, с. 698]. Ученый отмечает также, что реальными прототипами легендарных фениксов, изображения которых стали появляться на изделиях из бронзы эпохи Западная Чжоу, возможно, подразумевались павлины, появившиеся на севере в связи с изменением климата [6, с. 696].

Таким образом, можно сделать следующие выводы о символическом значении наименований птиц в разделах «Малые оды», «Большие оды» и «Гимны» древнекитайской «Книги песен»:

1) 鸟 [niǎo] ‘птица’ встречается как в собирательном образе поющих птиц, символизирующих гармонию, так и в единичном: птица, укрывшая Хоу Цзи; большая птица – символ большой проблемы или злодея; “птичий флаг” – знамя с изображением сокола; “белые птицы” – символ роскоши. Встречается также сравнение крыши дворца с распахнутыми птичьими крыльями;

2) 黄鸟 [huáng niǎo] ‘чиж’ – птица, образ которой сопровождает лирического героя в сложных жизненных ситуациях, с которыми он сталкивается вдали от дома;

3) 仓庚 (鶡鹒) [cāng gēng] ‘иволга’ – символ весны, радости;

4) 雁 [yàn] ‘гусь’ – символ трудностей, тягот;

5) 鸿 [hóng] ‘дикий гусь’ является символом беженцев, скитальцев, трудного длинного пути;

6) 鹞 [tuán] ‘орел’ – символ свободы;

7) 雉(雥) [zhī] ‘горлица, кукушка’ – символ свободы, недоступной лирическому герою; в древности почиталась как символ сыновней почтительности;

8) 鸣鳩 [míngjīū] ‘горлица, пятнистый голубь’ в песне «Ода о воспитании» (II, V, 2) – символ молодого неопытного амбициозного человека;

9) 脊令 [jílíng] ‘трясогузка’ ассоциируется с трудолюбием;

10) 桑扈 [sānghù] ‘дубонос’ – обычно питающаяся мясом, но в контексте песни – зернами, символизирует аномальность ситуации; может также символизировать простых наивных людей;

11) 鹳 [lù] ‘цапля’ трактуется следующим образом: 1) наименование птицы используется в качестве метонимии, обозначает танцевальный атрибут из перьев цапли; 2) в качестве метафоры, образы цапель сравниваются либо с танцорами, держащими в руках перья цапли, либо с прибывающими на пир гостями;

12) 隼 [sǔn] ‘сокол’ символизирует правителя, полководца, ассоциируется с силой, быстротой;

13) 鸩 [jiāo] ‘королевский фазан’ в песнях символизирует невесту, ассоциируется с красотой новобрачной;

14) 乌 [wū] ‘ворона’ символизирует смуту, неопределенность; невозможность отличить правду от лжи, как самку вороны от самца;

15) 鸱 [yù] ‘ворона, галка’, сбитые в стаю, символизируют сплоченность, совместность, создают ощущение контраста с чувством одиночества лирического героя;

16) 鹰 [yīng] ‘ястреб, орел’ ассоциируется с образом правителей, полководцев, символизирует решительность, мощь, быстроту;

17) 鸞 [yuān] ‘коршун’ символизирует дальновидность и мудрость правителя;

18) 翠 [huī] ‘золотистый фазан’. Расцветка крыши дворца ассоциируется с прекрасным оперением птицы; косвенно символизирует высокий статус, роскошь;

19) 鹤 [hè] ‘журавль’ кодирует образ лирической героини, отвергнутой жены; в китайской культуре журавль – символ достойного человека, долголетия, мудрости; символ мудрецов, живущих в уединении;

20) 鸳鸯 [yuānyāng] ‘утки-мандаринки’ – символ счастья, супружеской пары;

21) 鹬 [qīū] ‘марабу’ – внешне неприглядная птица, в тексте «Жалобы отвергнутой жены» (II, VIII, 5) символизирует наложницу с точки зрения покинутой жены;

22) 桃虫 [táo chóng] ‘крапивник’ – маленькая птица, ассоциируется с мелким делом, небольшой ошибкой;

23) 鸳 [fú] ‘дикая утка’ может символизировать живых людей, участвующих в жертвоприношении;

24) 鸱 [yī] ‘чайка’ может символизировать духов, божеств, принимающих участие в церемонии жертвоприношения;

25) 鸮 [xiāo] ‘совы’ символизируют представителей племен хуаи и;

26) 燕 [yàn] ‘ласточка’: 1) замена иероглифа «安» [àn] ‘спокойствие’; 2) ласточка, прикрывающая крыльями своих птенцов, символизирует заботу основателя династии Чжоу Увана о своих потомках;

27) 凤皇 [fènghuáng] ‘феникс’ – священная птица, символ благополучия, процветания;

28) 玄鸟 [xuánniǎo] ‘сюаньняо, черная птица, ласточка’ – легендарная птица, пятицветное яйцо которой положило начало династии Шан-Инь;

29) 鸾 [luán] с первоначальным значением ‘мифическая птица луань’, по виду напоминающая феникса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулима, Е. С. Логограммы с семантикой наименований птиц в древнекитайской «Книге песен» («Шицзин») / Е. С. Сулима // Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология. – 2025. – № 3 (136). – С. 14–28.
2. Сулима, Е. С. Символика наименований птиц в разделе «Нравы царств» древнекитайской «Книги песен» («Шицзин») / Е. С. Сулима // Вестник МГЛУ. Серия 1, Филология. – 2025. – № 1 (134). – С. 77–89.
3. 诗经集传 / 朱熹. – 上海 : 上海古籍出版社, 2013. – 492 页. = Сборник «Шицзин» с комментарием / Чжу Си. – Шанхай : Шанхайское издательство древней литературы, 2013. – 492 с. – URL: <https://gx.httpcn.com/book/read/RNMEA9/CQAZCQRNAZXV.shtml> (дата обращения: 29.06.2025).
4. 诗经 / 王秀梅译注. – 北京 : 中华书局, 2015. – 829 页. = Шицзин / Ван Сюмэй; пер. и comment. Ван Сюмэй. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 2015. – 829 с.
5. 诗经 / 骆玉明解注 ; (日) 细井徇撰绘. – 西安 : 三秦出版社, 2017. – 673 页. = Шицзин / Ло Юймин; comment. Ло Юймин ; иллюстр. Си Цинсюнь (Яп.). – Сиань : Издательство Саньцинь, 2017. – 673 с.
6. 诗经析读 : 全文增订插图本 / 李山著. – 北京 : 中华书局, 2018. – 871 页. = Чтение и анализ «Шицзин»: полный текст с исправлениями, дополнениями, иллюстрациями / Ли Шань. – Пекин : Китайское книгоиздательство, 2018. – 871 с.
7. Шицзин: Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина; подгот. текста и вступ. ст. Н. Федоренко; comment. А. Штукина. – М. : Худож. лит., 1987. – 351 с.
8. Гордей, А. Н. Основания комбинаторной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
9. Гордей, А. Н. Новая редакция виртуальной цепи китайского синтаксиса / А. Н. Гордей // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. XII: в 2 ч. / редкол.: А. Н. Гордей (отв. ред.), Н. В. Михалькова (зам. отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2025. – Ч. 1. – С. 25–37.
10. 诗经 / 邓启铜注释. – 南京 : 南京大学出版社, 2010. – 401 页. = Шицзин / Дэн Цитун; commentariй Дэн Цитун. – Нанкин : Издательство Нанкинского университета, 2010. – 401 с.
11. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / редкол.: И. М. Ошанин (гл. ред) [и др.]. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983–1984. – Т. 3. – 1984. – 1104 с.

12. 汉语大字典：九卷本 / 汉语大字典编辑委员会编纂. – 2 版. – 武汉 : 湖北长江出版集团, · 崇文书局; 成都: 四川出版集团· 四川辞书出版社 , 2010. – 5727 页. = Большой словарь китайских иероглифов в 9 т. / редкол. БСКИ. – 2-е изд. – Ухань : Издательская группа Хубэй Янцзы, Книгоиздательство Чунвэнь; Чэнду : Издательская группа Сычуань, Сычуаньское лексикографическое издательство, 2010. – 5727 с.

13. *Гордей, А. Н. Атрибутивно-предикативная синтагма как языковая универсалия / А. Н. Гордей // Иностранные языки в высшей школе / ФГБОУВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина».* – Рязань: Редакц.-изд. центр РГУ им. С. А. Есенина, 2019. – Вып. 4 (51). – С. 7–19.

Поступила в редакцию 12.09.2025